ПРОИСХОЖДЕНІЕ

СЛАВЯНСКАГО ПЕРЕВОДА

СВЯЩЕННЫХЪ КНИГЪ.

Д. ПРОЗОРОВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—

1869.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ

СЛАВЯНСКАГО ПЕРЕВОДА

СВЯЩЕННЫХЪ КНИГЪ.

Д. ПРОЗОРОВСКАГО.

Б. П. и Н. М. ПЕТРОВСКИХЪ Библіотека

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА,
ВЪ ГЛАВНОМЪ АДМИРАЛТЕЙСТВѢ.
1869.

РG
I
Я3

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 15 марта 1869 г.

Академия [illegible]
Институт научной информации
и фундаментальных библиотек
по общественным наукам
780
70

ПРОИСХОЖДЕНІЕ

СЛАВЯНСКАГО ПЕРЕВОДА СВЯЩЕННЫХЪ КНИГЪ.

Отпраздновавъ тысячелѣтній юбилей существованія славянской грамотности, мы совершили нынѣ и тысячелѣтнюю память одного изъ приснопамятныхъ славянскихъ просвѣтителей. Другое тысячелѣтіе мы начали съ хорошимъ запасомъ данныхъ, относящихся къ вопросу о просвѣщеніи славянъ, собранныхъ и отчасти разработанныхъ трудолюбіемъ нашихъ ученыхъ. Теперь выяснились нѣкоторыя частности этого вопроса, особенно изъ числа тѣхъ, которыми обставлена личность славянскихъ учителей. Но ежели съ этой стороны вопросъ довольно далеко подвинулся впередъ, за то другая сторона его чуть-ли не находится въ застоѣ. Послѣ гг. Новицкаго и Априлова, изъ которыхъ первый въ 1837 году напечаталъ въ Кіевѣ свое изслѣдованіе «о первоначальномъ переводѣ Священнаго Писанія на славянскій языкъ,» а второй издалъ въ 1841 году въ Одессѣ также изслѣдованіе свое подъ заглавіемъ: «Болгарскіе книжники, или какому славянскому племени собственно принадлежитъ кирилловская азбука»,—была еще напечатана въ Журналѣ Мин. Народнаго Просвѣщенія за 1848 годъ № 7, статья И. И. Срезневскаго: «Древнія письмена славянскія,» а въ 1855 году изданы профессоромъ Буслаевымъ: «Матеріалы для исторіи письменъ». Затѣмъ, не говоря о трудахъ иностранныхъ ученыхъ, едвали выходили у насъ отдѣльныя спеціальныя сочи-

нения, имѣющія цѣлію выяснить происхожденіе славянской письменности. Между тѣмъ, предметъ этотъ столько важенъ, что отъ разъясненія его зависитъ положительное опредѣленіе того значенія, которое дѣйствительно принадлежитъ блаженнымъ изобрѣтателямъ славянской грамоты. Не чувствуя въ себѣ столько силъ, сколько нужно для ученой разработки настоящаго предмета во всей подробности, я ограничусь нѣкоторыми замѣчаніями, въ надеждѣ, что онѣ, можетъ статься, не будутъ безполезны.

Общее убѣжденіе, основанное на глухихъ преданіяхъ, приписываетъ переводъ священныхъ книгъ св. Кириллу и Меѳодію, македонскимъ уроженцамъ, получившимъ византійское образованіе и отправленнымъ въ Моравію изъ Константинополя по требованію князей Ростислава, Святополка и Коцѣла. Но, пересматривая главнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ преданій объ этомъ предметѣ, я прихожу совсѣмъ къ другому убѣжденію. Несторова лѣтопись говоритъ, что братія, по прибытіи въ Моравію, «начаста съставливати писмена азъбуковьная словѣньски, и преложиста Апостолъ и Еуангелье.... посемъ преложиста Псалтирь и Охтаикъ *и прочая книги*,» и что, по удаленіи Кирилла изъ Моравіи, Меѳодій, возведенный въ санъ епископа, «посади 2 попа скорописца зѣло и преложи *вся* книги *исполнъ* отъ гречьска языка въ словѣнескъ 6-ю мѣсецъ, начевъ отъ марта мѣсяца до двудесяту и 6-ю день октября мѣсяца.» По словамъ Іоанна, экзарха болгарскаго, Меѳодій «преложи вся уставныя (то есть, каноническія) книги 60 отъ елинска языка;» а по другимъ источникамъ извѣстно, что Меѳодій апокрифическихъ книгъ не переводилъ. (1) Отсюда надобно заключить, что совокупными трудами св. братьевъ переложены были собственно книги богослужебныя, въ томъ числѣ церковныя чтенія изъ апостоловъ и евангелистовъ, равно Слѣ-

(1) «Сѣде же (Меѳодій) въ земли Моравстѣй преложивъ все 60 книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта отъ гръчъска въ словѣнскии въ 3 ендиктъ въ Г сотное Т. ОУ и третіе лѣто Стополцѣ кнезы, царь бѣ тъгда Грекомъ Василие, и Блъгаромъ отъ Бога кнезь Борысъ и краль нѣмечьскимъ людемъ». Такъ говорится въ харатейномъ прологѣ XIII-XIV вѣка (Слов. о писат. дух. чина, ч. 2 стр. 62.)

дованная Псалтирь, и проч., чему не противорѣчитъ и паннонское житіе св. Меѳодія, утверждающее, что онъ «Псалтирь бо бѣ токмо и Евангеліе съ Апостоломъ и избранными службами церковными съ философомъ преложилъ первѣе»; однимъ же Меѳодіемъ переложена Библія въ полномъ канонической составѣ, слѣдовательно, съ Псалтирью и съ книгами Новаго Завѣта, что́ все составитъ не 60, а 65 книгъ. Допустимъ, что въ восемь лѣтъ братья успѣли переложить богослужебныя книги, не смотря на великія трудности въ приготовленіи къ тому способовъ, которое не могло ограничиться изобрѣтеніемъ букваря, а обязывало изобрѣтателей выработать изъ языка граматическія правила и образовать скорописцевъ преподаніемъ имъ этихъ правилъ, что́ и въ настоящее время не бываетъ легкою задачей: но чтобы одинъ человѣкъ, при пособіи только двухъ скорописцевъ, могъ въ полгода перевести всю Библію— это едва ли вѣроятно... Не безъ основанія покойный митрополитъ Евгеній замѣтилъ, что «сихъ однѣхъ книгъ (то есть, богослужебныхъ) не только перевести, но и списать двумя скорописцами въ шесть мѣсяцевъ невозможно, а въ тридцать лѣтъ своего пребыванія у Моравовъ Меѳодій могъ все сіе удобнѣе и лучше исполнить.» (²) Но кромѣ богослужебныхъ книгъ необходимъ былъ, для церковнаго управленія, Номоканонъ (Кормчая), да и безъ Пролога духовному лицу трудно было обойтись; если ко всему этому присовокупить еще Библію, то и допущенныхъ Евгеніемъ тридцати лѣтъ будетъ мало. Съ такою гро́мадою не скоро бы справилась и нынѣшняя скоропись; при древнемъ же способѣ письма, то есть, при почеркѣ уставномъ и полууставномъ, едвали была возможна столь быстрая скоропись, какъ нынѣшняя.

Обратимся теперь къ наблюденіямъ, начавъ ихъ съ позднѣйшаго времени.

Мнѣ извѣстны слѣдующіе памятники съ помѣтами о времени ихъ написанія: 1) *Сборникъ*, писанный въ 1689 году скорописью, въ четвертку, на 347 листахъ; въ немъ сказано: «писалъ

(²) Тамъ же, стр. 60.

сію книгу я Івашко Логиновъ своею рукою лѣта 7197 году сентября съ 1 числа да до іюля по 26 число;» (3) слѣдовательно, на переписку употреблено почти 11 мѣсяцевъ, а писано менѣе $1^1/_2$ листа въ день круглымъ счетомъ; 2) *Статиръ*, писанный въ 1684 году полууставомъ, въ листъ на 795 листахъ, «начася лѣта 7191 году мѣсяца апрілія въ 8 день, написася же 195 году августа въ 20 день;» (4) и того пошло болѣе $3^1/_3$ лѣтъ работы и менѣе листа на день; 3) *Толковая Псалтиръ*, писанная въ 1648 году небрежнымъ полууставомъ, въ четвертку, на 340 листахъ, «начата бысть писати.... лѣта 7155 июня въ 1 день... совершена же бысть въ другое лѣто 156 маія въ 12;» (5) значитъ, работа продолжалась 11 мѣсяцевъ слишкомъ, а писано по листу въ день кругомъ; 4) *Толковое Евангеліе* Ѳеофилакта Болгарскаго, писанное въ 1521 году полууставомъ, въ листъ, на 558 листахъ, изъ которыхъ на 299—555 листахъ помѣчено начатіе и окончаніе Евангелія отъ Іоанна, занимающее 297 листовъ; въ помѣтахъ говорится: «начяло бысть о Христѣ мѣсяца іуніа 14... конець о Христѣ бысть мѣсяца генваря въ 31;» (6) по сему работа продолжалась $7^1/_2$ мѣсяцовъ, откуда приходится около $1^1/_4$ листа на день; 5) *Четвероевангеліе*, писанное въ 1401 году на пергаменѣ мелкимъ уставомъ, въ четвертку и въ два столбца, на 215 листахъ, «почато мѣсяца февраля въ 2 день... кончано сиангелье се мѣсяца іуня въ 10;» (7) итого, употреблено 4 мѣсяца, а писано по 7 столбцовъ или по $1^3/_4$ листа въ день кругомъ; 6) на *Кормчей*, писанной въ 1270 году и переписанной въ XVI вѣкѣ, позднѣйшій писецъ сохранилъ слѣдующую приписъ прежнихъ писцовъ: «мы же раздѣливше на три чясти исписахомъ за 50 днiй, почавше мѣсяца ноября 10 день, кончана же бысть мѣсяца генваря 7 день;» (8) эта приписъ нахо-

(3) Описс. рукоп. Румянц. Муз. А. Востокова, стр. 563.
(4) Тамъ же стр. 632.
(5) Тамъ же стр 470.
(6) Тамъ же стр. 798.
(7) Тамъ же стр. 182.
(8) Тамъ же стр. 290.

дится на 105 листѣ, слѣдовательно, на каждаго писца или на 50 дней причитается 35 листовъ. Итакъ, древніе писцы не отличались особенною быстротою. Примѣръ древняго дѣйствительнаго скорописанія представляетъ намъ писанное въ 1144 году уставомъ, въ четвертку, Евангеліе, гдѣ на 228 листѣ сказано: «в лѣт. 6652 напсашяс книгы си. 50. дньи. почяты пьсати октября въ. 1. а кончяшяся ноября въ. 19.» (9); посему на каждый день кругомъ причитается по $4^1/_2$ листа. Укажу еще на примѣръ, болѣе древній. Въ половинѣ XI вѣка новгородскій діаконъ Григорій, писецъ неоспоримо искусный, успѣлъ въ полгода списать одно лишь церковное Евангеліе, извѣстное теперь подъ названіемъ Остромірова, въ которомъ содержится 288 писанныхъ листовъ in 4^0, или 1152 столбца. (10) Произведеніе Григорія даетъ намъ возможность уяснить дѣло приблизительнымъ разсчетомъ. Евангельское чтеніе въ навечеріе Рождества Христова занимаетъ въ Остромировомъ Евангеліи $6^1/_2$ столбцовъ: въ Библіи же, по изданію 1839 года (въ 3 книгахъ, 8 д. л.) этимъ чтеніемъ занято $1^3/_4$ столбца, откуда оказывается, что 7 столбцовъ печати равны 26 столбцамъ рукописи. Каноническія книги заняли въ томъ изданіи 890 листовъ или до 3,560 столбцовъ, равняющихся, по выведенной пропорціи, 13,224 столбцамъ Остромировой рукописи. По сему Григорій могъ бы переписать Библію въ $5^3/_4$ лѣтъ, а два меѳодіевы скорописца, по бойкости равные Григорію, потребовали бы на этотъ трудъ $2^7/_8$, при усидчивости же не менѣе $1^1/_2$ года. Замѣтимъ при этомъ, что на $4^1/_2$ листахъ Евангелія 1144 года помѣстилось бы 18 столбцовъ, и что сумма 13,224, раздѣленная на 18, дастъ ровно два года для переписки всей Библіи скорописцемъ, подобнымъ писавшему это Евангеліе. Правда, если положить по 10 минутъ на столбецъ, что́ было бы чрезвычайно скоро, и 12 часовъ въ сутки работы, то дѣйстви-

(9) Опис. Слав. рукоп Моск. Синод. Библ., отд первое, стр 211

(10) Писцы, по видимому, дѣлали не Григорій, онъ не оставилъ бы одного листа пустымъ, а представилъ бы Остромиру свой трудъ вполнѣ оконченнымъ да и позднѣе разрисовкою книгъ занимались особые художники, какъ видно изъ записи на макарьевскомъ евангеліи 1530 1553 года См. Изв Археолог Общ т. 1 стр 179—182.

тельно пришлось бы на Библію полгода (около 184 сутокъ). Но постоянно высиживать по 12 часовъ въ сутки нельзя; промежутки неизбѣжны; праздники надобно исключить изъ числа рабочихъ дней; сверхъ того, какъ самъ Меѳодій, такъ и его скорописцы должны же были отправлять обязанности сана и не могли не подвергаться иногда болѣзнямъ, препятствовавшимъ работѣ; за тѣмъ остается не болѣе 6 часовъ на день кругомъ, и въ послѣднемъ выводѣ пришлось бы на переписку Библіи не менѣе года. А какъ Меѳодій долженъ былъ сперва сдѣлать переводъ, то есть, собственноручно написать славянскій оригиналъ, то и невозможно, чтобы въ полгода скипѣли оригиналъ и списокъ. Поучителенъ въ настоящемъ случаѣ слѣдующій примѣръ, оставленный намъ древностію. Изъ Іосифа Флавія извѣстно, что 70 толковниковъ трудились 70 дней надъ переводомъ Ветхаго Завѣта на греческій, совершенно обработанный, языкъ; значитъ, одному переводчику пришлось бы трудиться 4,900 дней, или 13 лѣтъ и $8^1/_2$ мѣсяцовъ; но одинъ не могъ пользоваться тѣми выгодами, какія проистекали изъ совокупности многихъ, содѣйствовавшихъ другъ другу совѣтами и взаимнымъ разрѣшеніемъ недоумѣній; слѣдовательно, ему понадобилось бы далеко болѣе 14 лѣтъ для исполненія труда по одному Ветхому Завѣту; а если бы онъ же, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ былъ приготовить для перевода и языкъ, соотвѣтствующій языку подлинника, обработанному вѣками, то я не знаю—до какой цифры выросли бы эти скромные 14 лѣтъ.

Въ виду всего этого, необходимо допустить, что блаженные просвѣтители славянъ пользовались болѣе древнимъ переводомъ священныхъ книгъ. Не даромъ же сохранилось преданіе, что св. Кириллъ, еще до проповѣди славянамъ, путешествуя къ Козарамъ, нашелъ въ Херсонѣ «Евангеліе и Псалтирь росьскы писменѣ писано и человѣка обрѣтъ глаголюще тою бесѣдою» (по смыслу видно, что слова: «росьскы писменѣ» значили: *росьскымъ языкомъ*). Сколь ни глухо это преданіе, но при вышеизложенныхъ соображеніяхъ, оно пріобрѣтаетъ значительную долю вѣроятности и перестаетъ казаться выдумкою позднѣйшаго времени, тѣмъ болѣе, что въ спискахъ, писанныхъ

гораздо позднѣе временъ Кирилла и Меѳодія, примѣтны слѣды разныхъ «изводовъ» (редакцій), не изглаженные ни св. учителями Славянъ, ни ихъ учениками, ни слѣдовавшими затѣмъ справщиками Слѣды эти усматриваются въ разнорѣчіяхъ списковъ одного и того же текста, хорошо извѣстныхъ изслѣдователямъ славянской письменности. Если не рѣшенъ вопросъ о причинѣ, произведшей эти разнорѣчія, то виною сему убѣжденіе, что славянскія книги произошли одновременно и суть плоды Кирилло-Меѳодіевыхъ трудовъ, устранявшее всякую догадку о возможности существованія болѣе древняго перевода. Между тѣмъ характеръ разнорѣчій не только допускаетъ подобную догадку, но и дѣлаетъ ее довольно вѣроятною. Правда, разности состоятъ не въ болѣе или менѣе вѣрной передачѣ сущности греческаго подлинника, а собственно въ словахъ: но сущность книгъ, столь общихъ, какъ св. Писаніе, никакой переводчикъ и справщикъ не рѣшился бы искажать произвольными воззрѣніями; всякій изъ нихъ перевелъ бы подлинникъ или поправилъ бы списокъ слово въ слово непремѣнно тѣмъ языкомъ или рѣчью, какая была для него сподручнѣе, и потому «изводы» должны различаться именно словами и иногда оборотами рѣчи. Встрѣчается и искаженіе смысла, однакожъ никто не обвинитъ въ этомъ переводчика, а отнесетъ къ невѣжественности или къ небрежности переписчиковъ, большею частію не ручающихся за вѣрность своихъ списковъ. Для примѣра, возьмемъ слѣдующее евангельское чтеніе:

Остромирова рукопись (1056 г.)

сѫботѣ. н̄ по н̄ евангелиѥ. отъ Матѳеа гла рцѣ.

Реуе гь. иже иѣсть съ мъною. на ма иѣсть и иже не събираѥть съ мъною. растауаѥть сего ради глѫ вамъ вьсакъ грѣхъ и хоула отъпоустится уловѣкомъ а иже на дхъ хоула. не отъпоустится

Саввина книга (XI в.)

сѫ н̄. ева от Ма гла рцѣ.

Реуе гь не сѣи съ мною на ма ѣсть. и не събираѥ съ мною растауаѣтъ. тѣмъ же глѫ вамъ. всакъ грѣхъ и хоуленіе. отъдастъса улкомъ а дховное хоуленіе не отъдастъса

ч҃лкомъ и иже колижьдо речеть слово. на сынъ ч҃лвчьскыи отъпоуститься ѥму а иже речеть на дхъ стыи не отъпоуститься ѥму ни вь сь вѣкъ ни въ грѧдѫщии или сътворите дрѣво добро и плодъ ѥго добръ или сътворите дрѣво ꙁъло и плодъ ѥго ꙁълъ. отъ плода бо. дрѣво поꙁнано бѫдеть ищѧдиꙗ ѥхидьнова. како можете добро гл҃ати. ꙁъли сѫще отъ иꙁбытка бо ср҃дцоу. оуста гл҃ѭть. добры ч҃лкъ. отъ добрааго съкровища. иꙁносить добраꙗ и ꙁълыи ч҃лкъ. отъ ꙁълааго съкровища иꙁносить ꙁълаꙗ Гл҃ѭ же вамъ ꙗко вьсꙗко слово праꙁдьно. ѥже аще рекѫть ч҃лвци. въꙁдадать о немь слово. въ дьнь сѫдъныи отъ словесъ бо своихъ оправьдишисѧ. и отъ словесъ своихъ осѫдишисѧ.

ч҃лкомъ и иже аще речетъ слово на сн҃а ч҃лскаго о҆тъдастъсѧ емꙋ. а иже речетъ на д҃хъ ст҃ы. не о҆тъдастъсѧ емоу ни вь сь вѣкъ ни вь градѫщиі. или творитъ дрѣво доброе҆ агодѫ е҆моу добрѫ. и҆ли творитъ дрѣвопрахнѣно и҆ агодѫ ему иꙁгнилѫ. о҆ агоды бо дрѣво ꙁнае҆тъсѧ. племѧ аспидово. како можете добро гл҃ати. лѫкави сѫще. отъ и҆ꙁбытька бо ꙋста ср҃дцю глѫтъ. благы ч҃лкъ отъ блага съсѫда иꙁноситъ благаꙗ. и лѫкавы ч҃лкъ отъ лѫкава съсѫда иꙁноситъ лѫкаваꙗ. гл҃ѫ же вамъ. ꙗко всакъ гл҃ъ праꙁдьнъ е҆го же аще глѫтъ ч҃лци. въꙁдаіѭтъ о҆ немъ. слово въ днь сѫ҆дьны. о҆тъ словесъ бо своіхъ. с҆правдишисѧ. и҆ о҆тъ словесъ своіхъ. с҆сѫдишисѧ.

Что эти два изложенія представляютъ два различные «извода», въ томъ нельзя сомнѣваться; видно, что греческія слова *κακος*, *καρπος*, выражающія общія понятія — «вредъ, плодъ», справщикъ или переводчикъ одного изъ изложеній понялъ въ тѣсномъ смыслѣ «ягоды, гнилости»; греческое слово *εχιδνα* было, вѣроятно, менѣе знакомо, чѣмъ слово *ασπις*, которое могло укорениться между славянами не чрезъ принятіе отъ еллиновъ египетскаго миѳа (у нихъ были свои змѣиные миѳы), а скорѣе чрезъ Псалтирь, гдѣ аспидъ имѣетъ то же значеніе, какъ и въ Саввиной книгѣ: «отчуждишася грѣшницы отъ ложеснъ, заблудиша отъ чрева, глаголаша лжу; ярость

ихъ по подобію зміину, яко аспида глуха и затыкающаго уши свои;» (Пс. 57) или: «изостриша языкъ свой яко зміинъ, ядъ аспидовъ подъ устнами ихъ,» (Пс. 139) и въ такомъ случаѣ надобно признать, что съ славянскою Псалтирью Славяне освоились въ весьма отдаленной древности. Если бы одинъ Меѳодій былъ переводчикомъ св. книгъ, то, во первыхъ, его переводъ отличался бы однобразіемъ, потому что нѣтъ никакой цѣли излагать одно и тоже различно; во вторыхъ, послѣ Меѳодія никто не покусился бы на передѣлку его труда, а, напротивъ, всякій изъ учениковъ его скорѣе постарался бы о распространеніи послѣдняго; въ третьихъ, онъ, безъ сомнѣнія, хорошо зналъ, что новый переводъ, при существованіи какого-либо другаго, вошедшаго въ общее употребленіе, былъ бы совершенно безполезенъ. Однимъ словомъ, ни отъ самаго Меѳодія, ни послѣ его не могли произойти различные переводы или «изводы» св. Писанія; если же оказываются слѣды того либо другаго, то, очевидно, что до Меѳодія существовалъ переводъ, а послѣ него явились извѣстные намъ «изводы», потому что первый, скорѣе по частямъ, чѣмъ во всей полнотѣ, могъ произойти только при первоначальномъ образованіи частныхъ славянскихъ церквей, въ которыхъ проповѣдники вѣры трудились отдѣльно для каждой. Изъ нихъ одни были, конечно, переводчиками, а другіе, позднѣйшіе, справщиками — списателями, произведшими въ разное время разныя редакціи одного и того же перевода. Меѳодіемъ же одинъ изъ старыхъ «изводовъ», болѣе исправный, по всей вѣроятности, выправленъ по греческому подлиннику, изложенъ правильнымъ языкомъ и переписанъ славянскими буквами; а эта редакція и должна была служить руководствомъ для слѣдовавшихъ затѣмъ писцовъ, которые, безъ сомнѣнія, старались по возможности приноравливать къ ней свои списки съ исправленныхъ оригиналовъ, и изъ такихъ-то списковъ Остроміровъ представляется выправленнымъ болѣе, а Саввинъ менѣе. Замѣчательно сохранившееся въ Туровской книгѣ евангельскихъ чтеній, XI вѣка, правило, помѣщенное между евангеліями на 17 недѣлю по 50-цѣ и на первую субботу новаго лѣта, но отдѣленное отъ пер-

ваго строкою особыхъ знаковъ, что показываетъ принадлежность правила къ слѣдующему періоду новолѣтнихъ чтеній. Оно говоритъ: **и се подобаѣть вѣдѣти. а҃ще бѫдеть пасха. жтрь. ѹтѣжться сѫботьноіе отъ снхъ. до рожьства стꙑѧ бцѧ. нщи же сѫ҃ трн и нед. мц септ҃. прѣ҃ вꙑздвиженнѥ ѹстьнаго крста. по воздвиженнн же такождѥ нщи сѫ҃. и҃ нед. септ҃. мца҃ п҃ томь же по рядоу. отъ прстꙑѧ бцѧ. даже и҃ до коньца.** И такъ, если до Рождества Богородицы положено прочитать субботнія евангелія, какъ рядовое, такъ и предпраздничное Воздвиженію, то новолѣтняя суббота должна была приходиться 31-го августа, а самое новое лѣто слѣдовало «утрь», въ воскресенье; значитъ, правило это было написано еще тогда, когда всякое воскресенье называлось пасхою, а между тѣмъ и слово недѣля, присвоенное воскресному дню, не исключая и дня Пасхи, весьма древнее. Прибавивъ ко всему этому полную выработанность языка священныхъ книгъ, который не могъ быть доведенъ до такой высокой степени недолгими усиліями одного или двухъ лицъ, такъ какъ имъ въ такомъ случаѣ предстояло бы создать все изъ ничего, можемъ, кажется, признать, что книги на славянскомъ языкѣ существовали искони.

Не опасаясь впасть въ противорѣчіе истинѣ, можно приписывать славянскому переводу древность, восходящую къ первымъ временамъ христіанства. Уже одно то, что апостолъ Павелъ писалъ два посланія къ Солунянамъ, повелѣвая первое прочитать «передъ всею святою братіею», даетъ сильный поводъ заключать съ достовѣрностью, что эти посланія были писаны по македонски, то есть, по славянски, или, по крайней мѣрѣ, читались македонянамъ на ихъ языкѣ; да иначе и быть не могло, такъ какъ христіанское братство распространялось по всей Македоніи; чтеніе же посланій требовалось и въ тѣхъ углахъ, гдѣ населеніе вовсе не знало греческаго языка. Извѣстно, что Павелъ доходилъ до Иллирика, и нашъ лѣтописецъ съ особеннымъ удареніемъ замѣчаетъ, что «словѣньску языку учитель есть Анъдроникъ апостолъ: въ Моравы бо ходилъ, и

апостолъ Павелъ училъ ту; ту бо есть Иллюрикъ, его же доходилъ апостолъ Павелъ, ту бо бяша Словѣни первѣе. Тѣмже словѣньску языку учитель есть Павелъ, отъ него же языка и мы есте Русь: тѣмже и намъ Руси учитель есть Павелъ апостолъ, понеже училъ есть языкъ словѣнескъ и поставилъ есть епископа и намѣстника по себѣ Андроника словѣньску языку». Конечно, апостолы должны были не иначе, какъ по славянски говорить съ Славянами устно и письменно и отправлять для нихъ богослуженіе, сопряженное съ всенароднымъ чтеніемъ евангельской исторіи и съ общественными псалмопѣніями; въ противномъ случаѣ, проповѣдь ихъ не достигала бы своей цѣли. Есть еще преданіе, что Маркоманамъ (Моравамъ) проповѣдывалъ и св. Амвросій Медіоланскій.

Здѣсь не мѣсто разбирать запутанную теорію преемственнаго заселенія Моравіи разными племенами: Баварцами, Квидами, Маркоманами, Скирами, Ругійцами, Герулами, Лонгобардами и наконецъ Славянами; однакожь, если въ конечномъ выводѣ оказываются чистые Славяне, а отъ прочихъ народовъ не осталось никакихъ слѣдовъ, то, видимое дѣло, что коренными обитателями страны были этисамые Славяне, иногда различно именованные, а иногда и дѣйствительно подчинявшіеся власти сильнаго,—Славяне, сохранившіе отъ Павла и Андроника до Кирилла и Меѳодія вселенскую вѣру, согласную съ вѣрою Византіи. А что вѣра Моравовъ была болѣе восточная, чѣмъ западная, это видно изъ того, что они, не смотря на присутствіе между ними латинскаго духовенства, признали нужнымъ имѣть у себя восточнаго наставника. Обратимъ вниманіе на причину, побудившую славянскихъ князей потребовать наставника отъ Византіи: «земля наша *крещена*, и *нѣсть у насъ учителя*, иже бы ны наказалъ и поучалъ насъ, и протолковалъ святыя книги; не разумѣемъ ни гречьску языку, ни латыньску; ѳны бо ны онако учатъ, а ѳни бо ны и онако: тѣмъ же не разумѣемъ книжнаго образа, ни силы ихъ; и послѣте ны учителя, иже ны могутъ сказати книжная словеса и разумъ ихъ.» Смыслъ этихъ словъ понятенъ: «крещеные» Моравы, не признававшіе учителями своими агентовъ Западной Церкви,

имѣли понятіе о разности между Восточнымъ и Западнымъ вѣроученіями; но, по необразованности своей, то есть, по незнанію греческаго и латинскаго языковъ, или, точнѣе, по незнакомству съ греческою и латинскою литературами, сами не въ состояніи были рѣшить вопроса: которое ученіе правильнѣе? Посему они обратились къ Византіи за способами къ протолкованію священныхъ книгъ, необходимому для обличенія заблуждавшихся. И такъ, Моравы требовали отъ Византіи не самыхъ книгъ, не перевода, а разъясненія того, во что они не могутъ вникнуть, и безъ чего они слабѣе латинскихъ учителей. Видно, что Моравамъ хотѣлось привести въ порядокъ свои книги, чтобы имѣть возможность самимъ рѣшать вопросы вѣры. Безъ сомнѣнія, между ними находились Греки немалограмотные, знавшіе по славянски на столько, что могли бы быть приглашены къ переводу книгъ; однакожъ князья потребовали учителя вполнѣ ученаго, который бы въ состояніи былъ рѣшать недоразумѣнія. Паннонское житіе говоритъ, что Кириллъ «научи я утрени и годинамъ, обѣднѣй и вечернѣ и павечерницѣ и тайнѣй служьбѣ»; слѣдовательно, моравское духовенство, ядро котораго составляли Греки, не умѣло порядочно отправлять даже богослуженія,—могло ли же оно богословствовать?

Изъ вышеизложеннаго надобно заключить, что на обязанности Кирилла и Меѳодія лежалъ критическій разборъ моравскихъ книгъ, то есть, всей священной литературы, которою была снабжена моравская церковь. Если они совершили именно этотъ подвигъ, высокій не менѣе новаго перевода, но для нихъ болѣе возможный; если къ тому же они изобрѣли особую грамоту для славянъ и переписали книги по правиламъ славянскаго языка, то чрезъ это не только не умаляется величіе ихъ заслуги, не только блескъ славы ихъ не меркнетъ, но еще выше становится ихъ значеніе, какъ людей, съумѣвшихъ разумно завершить дѣло Павла, Андроника и Амвросія. Пусть Іоаннъ экзархъ приписываетъ Меѳодію переводъ Библіи въ составѣ 60 книгъ: онъ передалъ дошедшій до него слухъ, а отъ слуха нельзя требовать точности. Знаменательнѣе извѣстіе

о не переводѣ Меѳодіемъ апокрифическихъ книгъ: онъ никакъ не могъ бы обойти ихъ, если бы дѣйствительно переводилъ Библію «исполнь» отъ греческаго состава, въ которомъ апокрифы находились издревле; (11) отсутствіе же ихъ въ меѳодіевомъ славянскомъ составѣ само собою свидѣтельствуетъ, что они (кромѣ Прем. Солом., откуда нѣсколько чтеній вошли въ составъ Паремейника) и до Меѳодія не были переводимы на славянскій языкъ, какъ не принадлежавшіе къ источникамъ вѣроученія, почему и не входили въ кругъ Меѳодіевыхъ занятій.

Есть два сильныя указанія на дѣйствительное значеніе Кирилла и Меѳодія. Іпокъ Храбръ, писавшій въ то время, когда еще были живы современники славянскихъ просвѣтителей, говоритъ: «прежде убо Словене не имѣаху писменъ, но чертами и рѣзанми гадааху, погани суще; крестившежеся, римскими и гречьскыми писмены нуждаахуся писати словенску рѣчь безъ устроя; нж како можется писати добрѣ гречьскими писмены: Богъ, или животъ, или зѣло, или церкы, или чаание, или широта, или ядь, или жды, или жность, или языкъ, или ина подобна симъ; *и тако бѣша многа лѣта.* Потомъ же человѣколюбецъ Богъ... посла святого Константина Философа, нарицаемаго Кирилла, мжа праведна и истинна, и створи имъ тридесять писменъ и осмь... Аще въпросиши словенскыя букваря, глаголя, кто вы писмена сътворилъ есть, или кто книгы прѣложилъ: вси вѣдять, и отвѣщавъ речетъ святыи Константинъ Философъ, нарицаемый Кириллъ, тъ писмена сътвори, и книгы прѣложи, и Меѳодии братъ его. Суть бо еще живи, иже суть видѣли ихъ». Чтоже преимущественно писали крещеные Славяне греческими и латинскими буквами? Конечно, прежде всего священныя книги, которыя, будучи писаны «безъ устроя», безъ правилъ, должны были сдѣлаться совсѣмъ невразумительными, въ слѣдствіе порчи ихъ писцами; а потому Кириллу и Меѳодію предстояло переложить

(11) Напримѣръ, рукописъ V вѣка, видѣнная преосвященнымъ Порфиріемъ на Синаѣ (Второе путеш. 1856 г. стр. 225—227).

ихъ въ правильную славянскую грамоту. Другое указаніе содержится въ древней стихирѣ, извѣстной по рукописной служебной Минеѣ XII—XIII вѣка: «законъ благодати наказателѣ стяжа вси. святого Меѳодіе. тѣмь убо бысть святымь буквамь. прѣмудръ обратникъ и прѣдаль еси своимь людемь и стаду ученіе ихъ. ими же чтущеи поучающеся въ святыя книгы благословять Господа. блажимъ тя достойне». (12) Здѣсь о переводѣ ни слова, а ублажается Меѳодій собственно за буквы, давшія возможность поучаться святымъ книгамъ; (13) при чемъ словами: «своимъ людемъ», то есть, сродичамъ, прямо ставится укоризна тѣмъ, которые хотятъ видѣть въ Кириллѣ и Меѳодіи урожденныхъ Грековъ. Въ той же Минеѣ ублажали Меѳодія за святую прю о святой Троицы и за «трудъ еже пострада отъ бѣсъ тріязычникъ», потому что онъ оспаривалъ ученіе латинянъ объ исхожденіи Святаго Духа (а это-то и была главная часть той миссіи, которую не могло исполнить моравское духовенство, и для которой князья потребовали учителя) и защитилъ въ Римѣ славянскую грамоту, или, точнѣе, славянскій переводъ св. книгъ. Хотя и стараются приписать слабости тогдашняго папы утвержденіе этого перевода, но никакая слабость, особенно поддерживаемая цѣлымъ сонмомъ враговъ славянства, (14) не уступила бы Меѳодію безъ сильной причины; а такою причиною могло быть именно весьма древнее существованіе перевода.

Теперь явилось и третье, неменѣе сильное, доказательство въ пользу предположенія о существованіи славянскаго перевода съ глубокой древности. Въ отысканной А. Ѳ. Гильфердингомъ Болгарской лѣтописи, на предложеніе царя Михаила ѣхать въ

---

(12) Древн. Слав. пам. юсов. письма, стр. 211.

(13) Въ святцахъ Охридскаго апостола сказано, что Меѳодій «прѣложи въскресъ наставлъ ѳати отъ гречъска въ словѣнескъ языкъ»; это, можетъ быть, значитъ: «преложи вскоре и наставль писати», то есть, преложилъ греческую азбуку въ славянскую.

(14) «Въ Венетіи же бывшу ему събрашеся нань епископы и попове и чрьнцы, яко и враны на сокола и въздвигоша тріезычную ересь глаголяще: человѣче... (Житіе Меѳодія по серб. ред.).

новокрещенную Болгарію для перевода священныхъ книгъ Кириллъ отвѣчаетъ: «Како могу азъ извести писаніе на Болгарскаго языка? *другіи философове, бывше прежде мене, трудишася 200 годъ* и ничто успѣша, понеже Болгарскаго языка греческими буквами пословити не можно.» (15) Хотя лѣтопись эта очень поздняго происхожденія, но какъ она составлена по древнимъ источникамъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что приведенное сказаніе не выдумка новаго лѣтописателя, а преданіе, дошедшее до него отъ древности.

Такимъ образомъ, является рядъ не совсѣмъ слабыхъ вѣроятностей, на которыхъ можно основать убѣжденіе, что священныя книги мы имѣемъ не въ кирилло-меѳодіевыхъ переводахъ, а въ переводахъ гораздо древнѣйшихъ, собранныхъ, выправленныхъ, переписанныхъ и, можетъ быть, пополненныхъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, преподавшими въ славянской грамотѣ способъ къ правильному разумѣнію и употребленію ихъ.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы ученые изслѣдователи славянскихъ древностей употребили всю строгость критики, при пересмотрѣ дошедшихъ до насъ преданій о Кириллѣ и Меѳодіи и объ ихъ трудахъ. Преданія эти требуютъ именно такой критики: они довольно сбиты и спутаны. Въ доказательство можно указать на очень старыя святцы, въ которыхъ подъ 14 февраля было помѣчено: «Кирила философа епископа Катанска, учителя Словеномъ и Болгаромъ, иж преложи русскую грамоту съ греческіа и крести словѣны и Блъгары;» (16) а въ одномъ пергаменномъ Прологѣ XIII—XIV вѣка приписанъ Кириллу даже титулъ архіепископа Моравскаго». (17) Первая изъ этихъ ошибокъ повторяется и въ нынѣшнихъ московскихъ святцахъ, гдѣ пишется: «св. Кирилла, епископа Катанскаго», хотя Кириллъ вовсе не былъ епископомъ и не назывался такъ въ древнихъ святцахъ, какъ, напримѣръ, въ Остроміровомъ Евангеліи, гдѣ говорится: «преподобнаго отца нашего Констан-

(15) Голосъ, № 69, 1869 г.
(16) Востокова Опис. рук. Рум. Муз. стр. 466.
(17) Слов. дух. пис. ч. 2, стр. 62.

тина Философа нареченнаго въ чьрьнечство именемъ Кирила». ([18]) Тутъ ни о епископствѣ, ни о Катанѣ рѣчи нѣтъ, да и Кириллъ, епископъ Катанскій, былъ совершенно другое лицо: онъ жилъ въ I вѣкѣ и принадлежалъ къ числу учениковъ апостола Петра; память же ему совершается 21 марта. Въ Кіевскихъ святцахъ, подъ 14 февраля, Кириллъ хотя и не называется епископомъ, за то подъ 11 мая помѣчено: Меѳодія и Кирилла «епископовъ моравскихъ». Видно, что въ старину очень мало заботились о сохраненіи въ полномъ и неповрежденномъ видѣ свѣдѣній о святыхъ первоначальникахъ славянскаго просвѣщенія. На насъ лежитъ обязанность возстановить память ихъ въ ясномъ, по возможности, свѣтѣ.

([18]) Слич. Сав. кн. XI вѣка., Охрид. Апост. XII вѣка, Тріодь Григоровича XII—XIII вѣка, Дечан. Четвероев. XIII вѣка, Севаст. сбор. XIV вѣка—вездѣ подъ 14 февраля и 6 апрѣля. Все это въ Древ. слав. пам. юсов. письма.

Академія наукъ СССР
Институтъ научной информаціи
Фундаментальная библіотека
по общественнымъ наукамъ
18-3-70